

within the part of speech structure, which is significant for determining the real values of the verbs. The interpretation of lexical material of four dialects for the operation of verbal microsystem confrontation on the single basis is worked out.

It allows to objectify the information about every recorded nominative unit, its structural and semantic peculiarities and extensional behavior. The given idiographic classification has become a basis for drafting the invariant semantic articulation patterns of the nineteen verbal lexis microsystems. Aggregating the data into one network contributed to finding out the complicated semantic structure of the most nominations, which testifies the systemic nature of the analyzed matter, objectified the dialect speaker cognition logics on the extra lingual reality and allows to expose the national-cultural component, which manifests itself in the verbal dialect lexis of the Russian migratory groups in the Odessa region. The thesis subjects to the analysis the structural organization of the verbal lexico-semantic paradigms of different complexity levels.

Key words: dialectal verb as lingual substance, dialectal verbal lexis, verbalization of conceptual field, structural organization, lexico-semantic paradigm.

Статтю отримано 23.03.2014 р.

УДК 811.161.1'282.4(477.74)

ЗАБОЛЬЯН Людмила Олеговна,

аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;
e-mail: 7321774@ukr.net

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СПОСОБНОСТЯМ, В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей лексико-семантической группы диалектизмов «Интеллектуальные способности человека» на материале русских переселенческих говоров Одесщины. Особое место занимают русские говоры ближнего и дальнего зарубежья, которые в силу их островного характера дольше сохраняют исконные диалектные лексемы, а также заимствуют из соседних языков и диалектов яркие метафорические наименования, отражающие языковую картину мира русских переселенцев. Основным источником диалектного материала работы является двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины» (2000–2001). В статье описаны системные синонимические и антонимические отношения диалектизмов внутри лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека». Большая часть диалектных лексем — это эмоционально-экспрессивные образования, в связи с чем в статье поднимается вопрос о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессивность». Передко оценочность и эмоционально-экспрессивная окрашенность слова в рассматриваемой ЛСГ создаётся на основе метафоры. Диалектная метафора отличается большой образностью и высокой интенсивностью эмоциональной оценки. Лексико-семантическая группа, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, представлена в исследуемых говорах лексемами как исконно русскими, так и заимствованными. Наиболее частотны заимствования из украинского, болгарского и молдавского языков.

Ключевые слова: русские переселенческие говоры, лексико-семантическая группа, эмоционально-экспрессивная лексика, категория оценки.

Современная лингвистика сосредоточила фокус своего внимания на человеческом факторе в языке. Фундаментальные положения об антропоцентризме языка и мышления были изложены в трудах В. фон Гумбольдта, О. Эсперсена, А. А. Потебни, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, Е. Куриловича и др. Изучению роли человека в языке посвящены работы лингвистов В. М. Алпатов, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Р. А. Будагова, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, Л. Г. Зубковой, Г. В. Колшанского, В. В. Морковина, Б. А. Серебrenникова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия и др. В контексте антропоцентрического подхода в языкознании активно разрабатывается понятие «картина мира». В самом общем смысле картина мира трактуется как сложившееся представление об окружающем мире в результате восприятия человеком объективной действительности органами чувств. «Языковая картина мира — важная составная часть общей концептуальной модели мира» [8, с. 139]. В настоящее время ведутся широкие исследования наивной языковой картины мира, то есть обобщенных представлений об устройстве окружающей действительности, содержащихся в сознании людей и отраженных в языке. При этом весьма интересными оказываются наивные представления, заложенные в языке, о внутреннем мире человека. Ю. Д. Апресян подчёркивает, что они «отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир» [1, с. 351].

Предметом нашего внимания является лексика, характеризующая человека, которая представляет собой знания человека о самом себе и формирует ядро языковой картины мира. По мнению С. И. Ожегова, интеллект — это «мыслительная способность, умственное начало у человека» [17, с. 722]. Лексика с интеллектуальной семантикой давно вызывает интерес у лингвистов. Семантические, прагматические, мотивационные, аксиологические и прочие аспекты лингвистического анализа лексикополья «Интеллектуальная деятельность человека» затрагиваются в трудах Ю. Д. Апресяна, Т. В. Бахваловой, Т. Н. Вендиной, В. Г. Гака, О. П. Ермаковой, В. И. Карасика, М. Л. Ковшовой, Л. Е. Крутиковой,

Л. Б. Никитиной, С. Е. Никитиной, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. И. Ожегова, Н. В. Уфимцевой и др.

Объектом нашего исследования стали диалектные слова со значением интеллектуальных способностей человека, функционирующие в русских переселенческих говорах Одесской области. В последние десятилетия в русской лингвистике наблюдается широкий интерес к изучению лексики русских говоров. За этот период подготовлены и изданы десятки диалектных словарей, отражающих словарный состав Европейской части России, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока. Материалом для написания статьи послужила лексика, собранная во время диалектологической практики автора в 2005 году в селе Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, и двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», вышедший в 2000–2001 г.г. [19], который является итогом многолетних экспедиций, проводившихся кафедрой русского языка Одесского университета им. И. И. Мечникова с 1950 по 1991 г.г. Цель нашей статьи — описание лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека». Нами было использовано определение лексико-семантической группы, данное О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов»: «Слова, объединяемые общностью значения, независимо от принадлежности к той же или разным частям речи» [16, с. 118].

Диалектизмы со значением характеристики человека широко представлены в речи носителей русских переселенческих говоров Одесской области. «Исследование лексики русских островных говоров юга Украины даёт ценнейший материал, позволяющий судить об особенностях межъязыкового, междиалектного контактирования на лексическом уровне, о специфике функционирования и развития лексико-семантической системы русских говоров в условиях взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и диалектов, как близкого, так и отдаленного родства: русского, украинского, болгарского, немецкого и др.» [4, с. 104].

В состав лексико-семантической группы (далее — ЛСГ) «Интеллектуальные способности человека» входит более 60 диалектизмов. Около 15 диалектизмов были отмечены и картографированы лично нами в 2005 году в селе Старая Некрасовка Измаильского района. Среди них:

Битый, -ая, -ое. Умный, бывалый. Битая ана пряльщица! Ст. Некр. // (в СРНГ: в этом значении нет).

СРНГ: *Битый, ая, ое; бит, а, о. 1. В некоторых ремёслах — изготовленный, сделанный с помощью особых приёмов. ◊Битая печь. Глинобитная печь. «Печь, сделанная из глины. В ней только один под выстилается кирпичём». Соликам. Перм., Словцов, 1854. Бьют печи из глины, тогда битым зовут. Тюмен. Печь в избу битую доспели, а чувал кирпичный. Иркут. ◊Битый каравай. [Знач.?] Вязник. Влад., Богородский. Битый, ого, м. В знач. суц. а) Кушанье, приготовляемое из пшеничной муки, которую сбивают с водой, маслом и яйцами. Ядрин. Казан., 1850. На свадьбу битый подадут. Бывало битый приготавливали, беда скусный кушанье. Урал. б) Красный пряник. Уфим., 1849. А ты нишкни, битый дам. Уфим. Ярослав. ◊Битое масло. Сливочное масло. Дон., 1929.*

2. *Слабый, больной. Пск., Осташк. Твер., 1855.*

3. *Расторопный, сообразительный. Пск., Осташк. Твер., 1855. ~ Битый горшок. Шуточное или бранное название замужних женщин и вдов. Мишк. Олон., 1885–1898. Онеж. КАССР [СРНГ, т. 2, с. 299].*

Головатый, -ая, -ое. Умный (о человеке). Головатый у мене сын, здоровый. Ст. Некр.

Дурёха, -и, ж. Глупый человек. Дурёха я, вот и пашила за ниво. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Недоступный, -ая, -ое. Глупый. Недоступных нимнога была раньшы. Ст. Некр. // СРНГ: в этом значении нет.

СРНГ: *Недоступный, ая, ое. Недоступная лошадь. Плохо, медленно идущая лошадь; лошадь с коротким шагом. Кыштов. Новосиб., 1905 [СРНГ, т. 21, с. 32].*

Сочинитель, -я, м. Способный человек. Ой сачинитель тута у нас адин был висёлый дуже. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Больше половины диалектных слов лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека» являются экспрессивно окрашенными, эмоционально оценочными лексемами. В лингвистике вопрос о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессивность» является актуальным. Категория «эмоциональность» обычно рассматривается в узкой и широкой интерпретации. В узкой интерпретации «эмоциональность» трактуется как отраженное и закреплённое в семантике слова чувство говорящего, его отношение к объекту речи [7, с. 137; 15, с. 64 и др.]. В широкой же — как совокупность выражения чувств и эмоций субъекта [6, с. 33–34; 10, с. 45], как их усиление, или интенсивность. Наряду с термином «эмоциональность» употребляется термин «эмотивность». Хотя некоторые лингвисты относят «эмотивность» к психологическим, а не лингвистическим понятиям. Так, В. Н. Телия [13, с. 129] считает, что «категория «эмотивность» связана с эмоциональной сферой психики и соотносится по содержанию с определенными типами эмоций — чувств-отношений, которые мы определяем в диапазоне одобрительной или неодобрительной реакции на обозначаемое».

Категория «эмоциональность» неразрывно связана с категорией «экспрессивность». В определении термина *экспрессивность* в лингвистике существует два подхода: функциональный и языковой. При функциональном подходе под экспрессивностью понимается «ненейтральность речи, остранение, деавтоматизация, придающие речи необычность и изобразительность» [11, с. 88; 14, с. 7]. В. И. Шаховский трактует экспрессивность как усиление выразительности, изобразительности и воздействующей силы высказываний. В. Н. Цоллер полагает, что экспрессивность «способствует выражению

с помощью необычного средства эмоционально-оценочного отношения к тому или иному явлению действительности, лучшему донесению логической и эмоционально-оценочной информации до реципиента» [15, с. 64].

Эмоционально-экспрессивные диалектизмы представляются нам наиболее интересными, так как «природа оценки соответствует природе человека», «...оценка представляет Человека как цель, на которую обращён мир...» [2, с. 181]. Лексико-семантическая группа «Наименование лиц по интеллектуальным способностям» представлена, в частности, следующими эмоционально-экспрессивными диалектизмами.

Бельбёк, -а, м. Уничижит. *Глупец, болван. А мы, бельбёки, ни умеим правильна гаварить.* Коса // СРНГ: нет.

Долдён, -а, м. Экспресс. *Бестолковый человек. Што стаиш, как далдён?* Алекс. // СРНГ: в этом значении нет.

Дубяк, -а, м. Экспресс. *Тупой человек. У ей ф класси адни дубяки.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Дурашман, -а, м. 1. Экспресс. *Растяпа, дуралей. Сусет мой — дурашман. Усп. 2. Растение. Дурашман тут расте.* Усп. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Дури́ла, -ы, м. и ж. Экспресс. *Дуралей. Если тут пьяный придёт, то как йво ругать? Дури́ла, басыла.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Лббус, -а, м. Ирон. *Высокий, здоровый и глупый человек. Здравый лббус, а да малиньких пристаёт.* Усп. // СРНГ: нет.

Пётрик, -а, м. 1. Экспресс. *Голова, мозги. У ниво пётрик ни работает.* Ст. Некр. 2. *Глупый человек. Галава работаит как у пётрика — ни саображаит ничаво.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Прифакүтенный, -ая, -ое. Экспресс. *Глуловатый, умственно ограниченный. Афанасий, сусет мой прифакүтенный, плоха саображаит.* Мур.

Тётёха, -и, ж. и м. Пренебр. *Недалёкий, глуловатый человек. А Лукерья-то тётёха стаит и ни знатит, гаварить ей иль нет.* Усп.

Толма́к, -а, м. Пренебр. *Дурень. Ты куды в грязюку лезиш, талма́к ты этакий.* Б. Пл.

Тупа́н, -а, м. Пренебр. *Глупый, тупой человек. Да и што и ты на ниво надеишся? Он фсигда был тупа́ном.* Вилк.

В рамках антропоцентрического подхода, где категория оценки играет роль связующего звена между сферой ментальности личности и социально-культурным контекстом, «оценка определяется через концепт «норма» и представляет собой исторически и культурно обособленную категорию» [6, с. 12]. В процессе номинации фиксируется бессознательное и сознательное отношение говорящего к действительности, что находит яркое отражение в русских переселенческих говорах Одесской области.

ЛСГ, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, представлена в исследуемых говорах лексемами как исконно русскими, так и заимствованными. Л. Ф. Баранник отмечает, что процесс динамики лексики южнорусских островных говоров Одесщины в разноязычной среде характеризуется тем, что при сохранении в них материнской южнорусской основы, основного лексического фонда, фонематической и морфологической системы, исконно русского инвентаря аффиксов, словообразовательных моделей, общих с материнскими, южнорусскими, русские островные говоры интенсивно обогащаются лексическими заимствованиями, что способствует активизации образования в их лексико-семантической системе синонимов, антонимов, гиперонимов, гипонимов и омонимов. Наблюдения показали, что «почти 200-летнее существование в отрыве от материнских южнорусских говоров не изменило диалектной принадлежности русских переселенческих говоров Одесской области, хотя и наложило на них заметный отпечаток в виде лексических заимствований из окружающих украинского, молдавского, болгарского, гагаузского и немецкого языков» [5, с. 85].

Безгүзды́й, -ая, -ое. Бестолковый. *Банки усе сафсем бизгүзды́и, розум выжываючи.* Б. Пл.

Бува́лый, -ая, -ое. Бывалый. *Я бува́лая, шышки хадила делат у маладайки на свадьбу.* Спас. // СРНГ: нет.

Неу́к, -а, м. Незграмотный человек. *Неукаф многа на силе была, почти фсе.* Ст. Некр.

Порбжний, -ая, -ое. 1. *Пустой, не заселенный, безлюдный.* 2. *Без ягод (о ягодных кустах).* В со-чет.: *Порбжняя голова́. Глупый человек.* Спас.

Самоу́к, -а, м. То же, что и самовук. *Я самау́к, сам выучилса читать.* Усп.

Тупа́к, -а, м. Пренебр. *Глупый, тупой человек. Да и што и ты на ниво надеишся? Он фсигда был тупа́ком.* Вилк. (болгаризм).

В составе ЛСГ отмечен тюркоязычный диалектизм *бельбёк* (см. выше). Традиционно *бельбек* переводится с тюркского как «крепкая или сильная спина». В процессе заимствования и адаптации лексемы первичное значение было утрачено.

Нередко оценочность и эмоционально-экспрессивная окрашенность слова в рассматриваемой нами ЛСГ создаётся на основе метафоры. Метафоры сконцентрированы на выделении наиболее ярких, с точки зрения диалектоносителей, свойств и качеств человека. Диалектная метафора является наглядным проявлением закона экономии языковых средств. В ней заключена не только информация о качестве и свойстве предмета речи, но и об эмоциональном отклике на это явление самого говорящего, а, кроме того, о системе моральных установок и стереотипных представлений членов данного коллектива, общества. По мнению Н. Д. Арутюновой, понять метафору — значит в какой-то степени мысленно проследить путь её создания, а это неизбежно требует умственного усилия «в преодолении несовместимости значений» и «восстановлении смысловой гармонии» [3, с. 341]. Задача реципиента

состоит в том, чтобы через призму своего личного опыта «пропустить» результаты чужого сравнения и, сопоставив их с собственным опытом, прийти к тому же заключению относительно тех же явлений и предметов, что и «создатель» метафоры.

В последнее время происхождение метафор связывают с когнитивными процессами. Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... Метафора не ограничивается одной сферой языка, т.е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [9]. По результатам исследований Г. С. Баранова, А. П. Чудинова, С. С. Гусева, метафора признаётся главным инструментом мышления и находится в ментальном лексиконе человека. При этом устанавливаются глубинные структурные отношения между группами понятий, в связи с чем возникает возможность структурировать одни понятия в терминах других. Разработкой теории метафоры занимались, кроме уже названных, многие отечественные и зарубежные лингвисты: М. Блэк, Д. Серль, П. Рикер, Э. Мак-Кормак, К. К. Жоль, Л. А. Кудрявцева, Н. А. Кожевникова, В. П. Москвин, В. В. Меликов, В. В. Петров, Б. А. Плотников, В. М. Русановский, Т. В. Симашко, Г. Н. Скляревская, А. А. Тараненко, И. О. Филатенко и другие. Метафоре в диалектном языке посвящены работы русских диалектологов О. И. Блиновой, Л. Ф. Баранник, Н. Т. Бухаревой, Т. С. Коготковой, Е. В. Колоско, Н. А. Лукьяновой и др.

В ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» имеются такие метафорические наименования: *Лалым, -а, м.* Ирон. *Болван, простофиля. Здравый лалым вымазал, а ума ни нажыл.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Дураиман, -а, м. 1. Экспресс. *Растяпа, дуралей. Сусет мой — дураиман.* Усп. 2. *Растение. Дураиман тут растёт.* Усп. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Дурница, -ы, ж. 1) *Дура. Малада я была, да и дурница.* Б. Пл. 2) *Доставшееся бесплатно, даром, за чужой счёт. Но однажды йшму дурница боком вышла.* Введ.

Системные отношения внутри диалектизмов ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» представлены синонимическими рядами (*недоступный 'глупый', дурковатый 'глуповатый', глупый 'глупый', прифактённый* экспресс. *глуповатый, умственно ограниченный*; *дурница 'дура', пётрик* экспресс. *глупый человек*; *дурила* экспресс. *'дуралей', тётёха* пренебр. *'глуповатый человек', тупяк* пренебр. *'неразвитый, глупый, тупой человек'; мозголовый 'умный, смысленный', внимательный 'понятливый, умный', вумственный 'умный', развитый 'умный', битый 'умный, бывалый', бувалый 'бывалый'*.) и антонимическими парами (*недоступный 'глупый' — мыслявый 'умный', балыматный 'бестолковый' — докумённый 'понятливый', вумняга 'умный человек' - дурёха 'глупый человек'*).

Исследуемая лексико-семантическая группа представляет собой «социально-личностное, ценностно-ориентированное знание, содержащее представление о том, к чему человеку необходимо стремиться и чего ему необходимо избегать» [12, с. 20]. Большинство диалектизмов ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» являются эмоционально-экспрессивными образованиями. Разбег эмотивных оценок диалектных лексем, характеризующих человека по интеллекту, очень велик. Можно утверждать, что отрицательно-интеллектуальным номинациям в большей мере присуща интенсивность эмоциональной оценки. Образность поддерживает и стимулирует эмоциональную реакцию. Лексика, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, отличается исключительной метафоричностью, заложенной во внутренней форме слова.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки рус. культуры, 1995. — 712 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. — М.: Наука, 1978. — Т. 37, № 4. — С. 333–343.
3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — 896 с.
4. *Баранник Л. Ф.* Особенности межъязыкового и междиалектного взаимодействия в русских островных говорах юга Украины / Л. Ф. Баранник // Язык и культура. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. — К.: ИД Дм. Бураго, 2007. — Вып. 9, т. V (93). — С. 123–130.
5. *Баранник Л. Ф.* Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области / Л. Ф. Баранник // Русские говоры на Украине. — К.: Наук. думка, 1982. — С. 85–98.
6. *Васильченко А. О.* Антропоцентрический подход к исследованию оценки в рамках межкультурной коммуникации / А. О. Васильченко // Вестник Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ, 2009. — № 11. — С. 11–15.
7. *Курлова И. В.* К изучению глагольных способов выражения эмоциональных состояний / И. В. Курлова // Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст. — М.: ИРЯ РАН, 1995. — С. 123–139.
8. *Кубрякова Е. С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. Н. Шахнарович, Л. В. Сахарный. — М.: Наука, 1991. — 240 с.
9. *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387–415.
10. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1986. — 230 с.
11. *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке / Т. В. Матвеева. — Свердловск: УрГУ, 1986. — 92 с.
12. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 8–69.
13. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1986. — 143 с.
14. *Телия В. Н.* Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия, В. Г. Гак, Е. М. Вольф. — М.: Наука, 1988. — 176 с.

15. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика / В. Н. Цоллер // Филологические науки. — 1996. — № 6. — С. 62–71.

* * *

16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 600 с.
 17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Азъ, 1993. — 955 с.
 18. Словарь русских народных говоров. — М.: Наука, 1965 — 2010.
 19. Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / [ред. Ю. А. Карпенко]. — О.: Астропринт, 2000–2001.

Список использованных сокращённых обозначений русских селений

Алекс. — с. Александровка Котовского р-на;
 Александр. — с. Александровка Тарутинского р-на;
 Анат. — с. Анатольевка Березовского р-на;
 Аннов. — с. Анновка Тарутинского р-на;
 Антон. — с. Антоновка Красноокнянского р-на;
 Бел. — пгт Беляевка, райцентр;
 Б. Бур. — с. Большое Бурилово Котовского р-на;
 Б. Пл. — с. Большое Плоское Великомихайловского р-на;
 Вас. — с. Васильевка Килийского р-на;
 Введ. — с. Введенка Саратовского р-на;
 Вилково — г. Вилково Килийского р-на;
 Возн. — с. Вознесенка Первая Арцызского р-на;
 Дем. — с. Демидово Березовского р-на;
 Коса — с. Коса Болградского р-на;
 Лес. — с. Лесное Котовского р-на;
 Мирн. — с. Мирное Килийского р-на;
 М. Пл. — с. Малое Плоское Великомихайловского р-на;
 Мур. — с. Муравлёвка Измаильского р-на;
 Никол. — с. Николаевка Тарутинского р-на;
 Нов. Некр. — с. Новая Некрасовка Измаильского р-на;
 Орёл — с. Орёл Великомихайловского р-на;
 Павл. — с. Павловка Фрунзовского р-на;
 Павлов. — с. Павловка Арцызского р-на;
 Петр. — с. Петропавловка Саратовского р-на;
 Плав. — с. Плавневое Раздельнянского р-на;
 Прив. — с. Приволье Великомихайловского р-на;
 Прим. — с. Приморское Килийского р-на;
 Рус. Ив. — с. Русская Ивановка Белгород-Днестровского р-на;
 Серг. — с. Сергеевка Саратовского р-на;
 Спас. — с. Спасское Татарбунарского р-на;
 Ст. Некр. — с. Старая Некрасовка Измаильского р-на;
 Сув. — пгт Суворово Измаильского р-на;
 Триц. — с. Троицкое Беляевского р-на;
 Трост. — с. Тростянец Великомихайловского р-на;
 Усп. — с. Успенковка Саратовского р-на;
 Чап. — с. Чапаевка Котовского р-на.

References

1. Apresyan Yu. D. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannyye trudy / Yu. D. Apresyan. — М.: Yazyki rus. kultury, 1995. — 712 s.
2. Arutyunova N. D. Funktsionalnye tipy yazykovoy metafory / N. D. Arutyunova // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i yazyka. — М.: Nauka, 1978. — Т. 37, N 4. — С. 333–343.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. — 2-e izd., ispr. — М.: Yazyki rus. kultury, 1999. — 896 s.
4. Barannik L. F. Osobennosti mezh'yazykovogo i mezh'dialektного vzaimodeystviya v russkikh ostrovnnykh govorah yuga Ukrainy / L. F. Barannik // Yazyk i kultura. Natsionalnye yazyki i kultury v ih spetsifike i vzaimodeystvii. — К.: ID Dm. Burago, 2007. — Вып. 9, т. V (93). — С. 123–130.
5. Barannik L. F. Leksicheskie osobennosti russkikh pereselencheskikh govorov Odesskoy oblasti / L. F. Barannik // Russkie govory na Ukraine. — К.: Nauk. dumka, 1982. — С. 85–98.
6. Vasilchenko A. O. Antropotsentricheskyy podhod k issledovaniyu otsenki v ramkah mezhkulturnoy kommunikatsii / A. O. Vasilchenko // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ulan-Ude, 2009. — N 11. — S. 11–15.
7. Kurlova I. V. K izucheniyu glagolnykh sposobov vyrazheniya emotsionalnykh sostoyaniy / I. V. Kurlova // Slovar. Grammatika. Tekst: sb. st. — М.: IRYa RAN, 1995. — С. 123–139.
8. Kubryakova E. S. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi / E. S. Kubryakova, A. N. Shahnarovich, L. V. Saharnyy. — М.: Nauka, 1991. — 240 s.
9. Lakoff D. Metafory, kotoryimi my zhivom / D. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metafory. — М.: Progress, 1990. — С. 387–415.
10. Lukyanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki / N. A. Lukyanova. — Novosibirsk: Nauka, Sib. otделение, 1986. — 230 s.
11. Matveeva T. V. Leksicheskaya ekspressivnost v yazyke / T. V. Matveeva. — Sverdlovsk: UrGU, 1986. — 92 s.
12. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka / V. I. Postovalova // Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. — М.: Nauka, 1988. — С. 8–69.
13. Teliya V. N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit / V. N. Teliya. — М.: Nauka, 1986. — 143 s.
14. Teliya V. N. Metafora v yazyke i tekste / V. N. Teliya, V. G. Gak, E. M. Volf. — М.: Nauka, 1988. — 176 s.
15. Tsoller V. N. Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika / V. N. Tsoller // Filol. nauki. — 1996. — N 6. — С. 62–71.

* * *

16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 600 с.
 17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Азъ, 1993. — 955 с.
 18. Словарь русских народных говоров. — М.: Наука, 1965 — 2010.
 19. Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / [ред. Ю. А. Карпенко]. — О.: Астропринт, 2000–2001.

ЗАБОЛЪЯН Людмила Олегівна,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: 7321774@ukr.net

**ЕМОТИВНА ЛЕКСИКА, ЯКА ХАРАКТЕРИЗУЄ ЛЮДИНУ ЗА ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИМИ ЗДІБНОСТЯМИ,
У РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ**

Анотація. У статті розглянуто особливості лексико-семантичної групи діалектизмів «Інтелектуальні здібності людини» на матеріалі російських переселенських говірок Одещини. Особливе значення серед російських говірок мають говірки далекого та близького зарубіжжя, які через свій острівний характер довше зберігають споконвічні діалектні лексеми, а також запозичують із сусідніх мов і діалектів яскраві метафоричні назви, що відображають мовну картину світу російських переселенців. Основним джерелом діалектного матеріалу в роботі є двохтомний «Словарь русских говоров Одещины» (2000-2001). У статті описано синонімічні й антонімічні системні відносини діалектизмів усередині лексико-семантичної групи «Інтелектуальні здібності людини». Чимала частка діалектних лексем є емоційно-експресивними утвореннями. Це зумовило розгляд у статті питання співвідношення категорій «емоційність», «емотивність» і «експресивність». Нерідко оцінка й емоційно-експресивна забарвленість слова відбувається на основі метафори. Діалектна метафора відрізняється великою образністю та високою інтенсивністю емоційної оцінки. ЛСГ «Інтелектуальні здібності людини» представлена у досліджуваних говірках як споконвічно російськими, так і запозиченими лексемами. Найчастіше запозичення відбуваються з української, болгарської та молдавської мов.

Ключові слова: російські переселенські говірки, лексико-семантична група, емоційно-експресивна лексика, категорія оцінки, Одеська область.

Lyudmila O. ZABOLIYAN,

postgraduate student of the Russian Language of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 7321774@ukr.net

**EMOTIONAL LEXIS, CHARACTERIZING A PERSON ON INTELLECTUAL CAPABILITIES IN RUSSIAN DIALECTS
OF ODESSA REGION**

Summary. The article deals with characteristic features of intellectual abilities of the person in Russian resettlement dialects of Odessa region. The special place among Russian dialects is occupied by neighbor and long distance aboard Russian due to the island character. They save native dialect lexemes and borrowings from neighbor languages and dialects in the form of bright metaphorical names reflecting Russian immigrants' language picture of the world. «The dictionary of the Russian dialects of Odessa region» becomes the main source of dialect lexicon. The article describes the synonymic and antonymic system of relations in dialecticisms of the group «Intellectual abilities of the person». The largest part of dialect lexemes are emotional — expressive creations, that is why we raise a question of correlation in categories «Emotionality» and «Expressivity». The metaphor is the basis of emotional and expressive lexemes. Dialect metaphor is distinguished with great figurativeness and high emotional assessment. Lexical and semantic groups of dialect lexemes concerning «Intellectual abilities of a person» are presented by native Russian lexemes and borrowed ones, among them Ukrainian, Bulgarian and Moldavian.

Key words: Russian resettlement dialects, lexical and semantic groups, emotionally expressive lexis, assessment category, Odessa region.

Статтю отримано 19.05.2014 р.